

Владислав Ходасевич

(1886 – 1939)

В заботах каждого дня

В заботах каждого дня
Живу, – а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живёт помимо меня.

И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня –
И глаза закрываю.

Слышать я вас не могу

Слышать я вас не могу.
Не подступайте ко мне.
Волком бы лечь на снегу!
Дыбом бы шерсть на спине!

Белый оскаленный клык
В небо ощерить и взвыть –
Так, чтобы этот язык
Зубом насквозь прокусить...

Впрочем, объявят тогда,
Что исписался уж я,
Эти вот все господа:
Критики, дамы, друзья.

Джон Боттом

1
Джон Боттом славный был портной,
Его весь Рэстон знал.
Кроил он складно, прочно шил
И дорого не брал.

2
В опрятном домике он жил
С любимой женой
И то иглой, то утюгом
Работал день деньской.

3
Заказы Боттому несли

Порой издалека.
Была привинчена к дверям
Чугунная рука.

4

Тук-тук – заказчик постучит,
Откроет Мэри дверь, –
Бери-ка, Боттом, карандаш,
Записывай да мерь.

5

Но раз... Иль это только так
Почудилось слегка? –
Как будто стукнула сильнее
Чугунная рука.

6

Проклятье вечное тебе,
Четырнадцатый год!..
Потом и Боттому пришёл,
Как всем другим, черёд.

7

И с верной Мэри целый день
Прощался верный Джон
И целый день на домик свой
Глядел со всех сторон.

8

И Мэри так ему мила,
И домик так хорош,
Да что тут делать? Всё равно:
С собой не заберёшь.

9

Взял Боттом карточку жены
Да прядь её волос,
И через день на континент
Его корабль увёз.

10

Сражался храбро Джон, как все,
Как долг и честь велят,
А в ночь на третье февраля
Попал в него снаряд.

11

Осколок грудь ему пробил,
Он умер в ту же ночь,
И руку правую его
Снесло снарядом прочь.

12

Германцы, выбив наших вон,
Нахлынули в окоп,
И Джона утром унесли
И положили в гроб.

13

И руку мёртвую нашли
Оттуда за версту
И положили на груди...
Одна беда – не ту.

14

Рука-то плотничья была,
В мозолях. Бедный Джон!
В такой руке держать иглу
Никак не смог бы он.

15

И возмутилася тогда
Его душа в раю:
«К чему мне плотничья рука?
Отдайте мне мою!

16

Я ею двадцать лет кроил
И на любой фасон!
На ней колечко с бирюзой,
Я без неё не Джон!

17

Пускай я грешник и злодей,
А плотник был святой, –
Но невозможно мне никак
Лежать с его рукой!»

18

Так на блаженных высотах
Всё сокрушался Джон.
Но хором ангельской хвалы
Был голос заглушён.

19

А между тем его жене
Полковник написал,
Что Джон сражался как герой
И без вести пропал.

20

Два года плакала вдова:
«О Джон, мой милый Джон!
Мне и могилы не найти,
Где прах твой погребён!.. »

21

Ослабли немцы наконец.
Их били мы как моль.
И вот – Версальский, строгий мир
Им прописал король.

22

А к той могиле, где лежал
Неведомый герой,

Однажды маршалы пришли
Нарядною толпой.

23

И вырыт был достойный Джон.
И в Лондон отвезён,
И под салют, под шум знамён
В аббатстве погребён.

24

И сам король за гробом шёл,
И плакал весь народ.
И подивился Джон с небес
На весь такой почёт.

25

И даже участью своей
Гордиться стал слегка.
Одно печалило его,
Одна беда – рука!

26

Рука-то плотничья была,
В мозолях... Бедный Джон!
В такой руке держать иглу
Никак не смог бы он.

27

И много скорбных матерей
И много верных жён
К его могиле каждый день
Ходили на поклон.

28

И только Мэри нет как нет.
Проходит круглый год –
В далёком Рэстоне она
Всё так же слёзы льёт:

29

«Покинул Мэри ты свою,
О Джон, жестокий Джон!
Ах, и могилы не найти,
Где прах твой погребён!»

30

Её соседи в Лондон шлюют,
В аббатство, где один
Лежит безвестный, общий всем
Отец, и муж, и сын.

31

Но плачет Мэри: «Не хочу!
Я Джону лишь верна!
К чему мне общий и ничей?
Я Джонова жена!»

32

Всё это видел Джон с небес
И возроптал опять.
И пред апостолом Петром
Решился он предстать.

33

И так сказал: «Апостол Пётр,
Слышал я стороной,
Что сходят мёртвые к живым
Полночною порой.

34

Так приоткрой свои врага,
Дай мне хоть как-нибудь
Явиться призраком к жене
И только ей шепнуть,

35

Что это я, что это я,
Не кто-нибудь, а Джон
Под безымянною плитой
В аббатстве погребён.

36

Что это я, что это я
Лежу в гробу глухом —
Со мной постылая рука,
Земля во рту моём».

37

Ключи встряхнул апостол Пётр
И строго молвил так:
«То — души грешные. Тебе ж —
Никак нельзя, никак».

38

И молча, с дикою тоской
Пошёл Джон Боттом прочь,
И всё томится он с тех пор,
И рай ему невмочь.

39

В селенье света дух его
Суров и омрачён,
И на торжественный свой гроб
Смотреть не хочет он.

Брента

Брента, рыжая речонка!
Сколько раз тебя воспели,
Сколько раз к тебе летели
Вдохновенные мечты —
Лишь за то, что имя звонко,

Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!

Я и сам спешил когда-то
Заглянуть в твои отливы,
Окрылённый и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои.

С той поры люблю я, Брента,
Одинокие скитанья,
Частого дождя кропанье
Да на согнутых плечах
Плащ из мокрого брезента.
С той поры люблю я, Брента,
Прозу в жизни и в стихах.

Акробат

Надпись к силуэту

От крыши до крыши протянут канат.
Легко и спокойно идёт акробат.

В руках его – палка, он весь – как весы,
А зрители снизу задрали носы.

Толкаются, шепчут: «Сейчас упадёт!» –
И каждый чего-то взволнованно ждёт.

Направо – старушка глядит из окна,
Налево – гуляка с бокалом вина.

Но небо прозрачно, и прочен канат.
Легко и спокойно идёт акробат.

А если, сорвавшись, фигляр упадёт
И, охнув, закрестится лживый народ,-

Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким ли живёшь ремеслом?

Анюте

На спичечной коробке –
Смотри-ка – славный вид:
Кораблик трёхмачтовый
Не двигаясь бежит.
Не разглядишь, а верно –
Команда есть на нём,
И в тесном трюме, в бочках, –
Изюм, корица, ром.
И есть на нём, конечно,
Отважный капитан,
Который видел много
Непостижимых стран.
И верно – есть матросик,
Что мастер песни петь
И любит ночью звёздной
На небеса глядеть...
И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, –
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле.
Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит – нас с тобой.

Дождь

Я рад всему: что город вымок,
Что крыши, пыльные вчера,
Сегодня, ясным шёлком лоснясь,
Свергают струи серебра.

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна,
Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице, одна.

Я рад, что дождь пошёл сильнее
И что, в чужой подъезд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнёшься от дождя.

Я рад, что ты меня забыла,
Что, выйдя из того крыльца,
Ты на окно моё не взглянешь,
Не вскинешь на меня лица.

Я рад, что ты проходишь мимо,
Что ты мне всё-таки видна,
Что так прекрасно и невинно
Проходит страстная весна.

Зимой

День морозно-золотистый
Сети тонкие расставил,
А в дали, пурпурно-мгlistой,
Кто-то медь ковал и плавил.

Кто-то золотом сусальным
Облепил кресты и крыши.
Тихий ветер дымам дальним
Приказал завиться выше...

К сизым кольцам взоры вскинем!
Мир печалью светлой болен...
Стынет в небе, ярко-синем,
Строй прозрачных колоколен.

Леди долго руки мыла

Леди долго руки мыла,
Леди крепко руки тёрла.
Эта леди не забыла
Окровавленного горла.
Леди, леди! Вы как птица
Бьётесь на бессонном ложе.
Триста лет уж вам не спится —
Мне лет шесть не спится тоже.

Перешагни, перескочи

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

Баллада

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идёт безрукий в синема.

Мне лиру ангел подаёт,
Мне мир прозрачен, как стекло,
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошённым рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идёт по улице домой.

Ремянный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венетийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

«Pardon, monsieur *, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять,-

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте пёрышко одно:

Пускай снежинкой упадёт
На грудь спалённую оно».

Стоит безрукий предо мной,
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

* Простите, сударь (*фр.*)

Весенний лепет не разнежит

Весенний лепет не разнежит
Сурово стиснутых стихов.
Я полюбил железный скрежет
Какофонических миров.

В зиянии развёрстых гласных
Дышу легко и вольно я.
Мне чудится в толпе согласных —
Льдин взгромождённых толчея.

Мне мил — из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы,
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот —
Дрожь, побежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот,

Иль сон, где некогда единый,-
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия.

Из окна

1

Нынче день такой забавный:
От возниц, что было сил,
Конь умчался своенравный;
Мальчик змей свой упустил;
Вор цыплёнка утащил
У безносой Николавны.

Но – настигнут вор нахальный,
Змей упал в соседний сад,
Мальчик ладит хвост мочальный,
И коня ведут назад:
Восстаёт мой тихий ад
В стройности первоначальной.

2

Всё жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бледный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдёт, начнётся:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвётся,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат.
Начнется всё, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром – лишнюю свечу.

Вечер

Под ногами скользь и хруст.
Ветер дунул, снег пошёл.
Боже мой, какая грусть!
Господи, какая боль!

Тяжек Твой подлунный мир,
Да и Ты немилосерд,
И к чему такая ширь,
Если есть на свете смерть?

И никто не объяснит,
Отчего на склоне лет
Хочется ещё бродить,
Верить, коченеть и петь.

Путём зерна

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю чёрную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрёт и прорастет.

Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт – и оживёт она.

И ты, моя страна, и ты, её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, –

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путём зерна.